

ками работы. Принятая же текстологом определенная техника работы закрепляет у него и определенные текстологические убеждения. Изменить же технические приемы работы бывает очень трудно: работа текстолога очень сложна и трудоемка, она требует навыков, привычек, известного «автоматизма». Вот почему чрезвычайно важно с самого начала выработать у себя правильную технику работы — и в первую очередь удобную технику подведения вариантов.

О других сторонах техники подведения разночтений, связанных с публикацией памятников, мы скажем в главе XIII «Техника издания текстов».

Весьма возможно, что установление разночтений в ближайшем будущем будет производиться машинным способом. Во всяком случае, для печатных текстов установление вариантов набора может производиться с помощью приборов. В журнале «The Harvard Library Bulletin» (1955) в статье Ч. Хиннана (Charlton Hinnan) «Mechanized Collation at the Houghton Library» описывается оптический прибор, с помощью которого можно в 40 раз быстрее, чем обычным способом, и без ошибок устанавливать варианты. Этот способ, однако, не позволяет устанавливать разночтения рукописных текстов, так как индивидуальные колебания (в начерках букв, в расстоянии между буквами и словами — у одного и того же писца) при слитности написания букв настолько велики (особенно в великорусской скорописи), что «машинное чтение» вряд ли может быть возможным или по крайней мере легким.

Анализ отдельных разночтений

Подведя разночтения по всем спискам, можно приступить к их анализу. Каковы цели этого анализа, и в чем он заключается?

Анализ разночтений долгое время считался основной частью «критики текста», причем считалось, что задачей критики текста, помимо установления его подлинности, является исправление вкравшихся в него ошибок.

Современному текстологу анализ разночтений дает наиболее богатый материал для восстановления истории текста произведения, всех этапов его существования. Разночтения — это результат не только «ошибок» переписчиков, но и сознательной деятельности книжников; анализ текста должен поэтому давать материал для характеристики происхождения целых пластов разночтений, связанных с теми или иными этапами истории текста, — пластов, возникших в результате или бессознательных ошибок, или сознательных изменений (в результате идейного изменения текста, стилистической правки, языковой и орфографической правки и т. д.).

Цель анализа разночтений — установить историю текста, взаимоотношение дошедших списков, их генеалогическое родство.

Одного анализа разночтений для установления истории текста памятника далеко не достаточно. Мы видели выше, какие данные для истории текста извлекаются из одной только рукописи памятника (глава III), в последующих главах мы увидим, что данные по истории текста извлекаются не только из списков памятников, но из их текстологического окружения в рукописях, из взаимоотношения памятника с другими произведениями и т. д. Однако из всех данных для истории текста произведения данные разночтений дают наиболее важный материал.

Анализ разночтений начинается обычно с анализа разночтений каждого списка в отдельности и продолжается суммарным рассмотрением проанализированных разночтений всех списков для установления их взаимоотношения и происхождения. Характеристике всей суммы разночтений того или иного списка, группы списков и редакций должен предшествовать анализ отдельных разночтений поодиночке. Итак, разночтения рассматриваются по отдельности, а затем в совокупности.

Каждое отдельное разночтение по возможности изучается с точки зрения своего происхождения: какое чтение старше, какое младше, какое чтение из какого произошло. Этим подготавливается материал для последующей характеристики текста каждого списка с точки зрения истории его возникновения. Обобщенный анализ показаний отдельных разночтений помогает не только классифицировать списки, но и установить, какая из редакций старше, какая младше, в каком генеалогическом родстве находятся отдельные группы списков и даже отдельные списки.

Перейдем к рассмотрению принципов анализа отдельных разночтений. Анализ этот должен предусматривать определенную цель, быть целеустремленным. Старая текстология XVIII и XIX вв., выясняя происхождение разночтений по отдельности, по отдельности же заменяла в тексте более новое чтение более древним и таким образом «восстанавливала», как казалось, древнейший текст. В настоящее время мы не можем считать правильным такой метод «восстановления» древнего текста. Создающийся таким путем лоскутный текст никогда, конечно, не существовал. В настоящее время текстолог стремится установить историю текста, историческое взаимоотношение его редакций, видов и текстов отдельных списков. Поэтому основное в настоящее время для текстолога — это установить редакции и виды текста, а затем их происхождение.

Анализ разночтений должен поэтому иметь сейчас иную цель: не восстановить «первоначальный текст», а дать материал для установления истории текста памятника, для всех этапов развития текста. Только имея ясные представления о поздних этапах, можно восстановить древнейшие.

Обычно конечные выводы в самой предварительной и далеко не ясной форме антиципируются уже в самом начале работы, хотя и не принимают четкой формы. У текстолога, занимающегося анализом отдельных разночте-

ний, происходит постоянное «пробование» выводов. Далеко не все разночтения одинаковы с точки зрения показательности их анализа. Некоторые разночтения с самого начала обращают внимание текстолога как требующие особенно пристального внимания.

С точки зрения значения показаний для истории текста, несомненно, разночтения намеренные, сознательные имеют большую важность, чем ненамеренные, бессознательные («ошибки»). Вот почему Б. В. Томашевский предлагает начинать анализ разночтений (или как он их называет — «вариантов») с их классификации на намеренные и ненамеренные: «Классификация, — пишет Б. В. Томашевский, — должна быть основана на изучении природы произведенных изменений. Исходить она должна из основ критики текста, и в первую очередь необходимо расслупить механические изменения (опечатки) и авторскую сознательную правку»¹.

С этим положением Б. В. Томашевского можно согласиться с небольшими, впрочем, поправками для древних текстов. Об авторской правке в них почти не приходится говорить; чаще — о правке «соавторов»: редакторов, составителей сводов и компиляций, переделывателей, переписчиков.

Дальше Б. В. Томашевский предлагает, чтобы авторская правка (применительно к древним текстам к ней может быть условно отнесена вся «сознательная» правка, т. е. правка «соавторов», о которых мы только что говорили) была в свою очередь разделена на 1) правку, связанную между собой, систематическую и 2) правку независимую, спорадическую². Это деление должно быть распространено на всю правку вообще: могут быть не только сознательные, но и бессознательные ошибки писца, которые, с одной стороны, систематически повторяются, а с другой — единичны и случайны. Надо, впрочем, добавить к этому предлагаемому Б. В. Томашевским делению на правку, связанную между собой и несвязанную, что соотношение их в процессе изучения правки обычно постепенно меняется в пользу первой. Чем больше изучена правка книжников, тем менее случайной она оказывается, тем более она подчиняется системе писца: его психологии, привычкам и навыкам (правка «бессознательная»), идеологии, намерениям, стилистическим вкусам (правка «сознательная»). Наконец, необходимо обращать внимание на самую природу сознательной правки: касается ли она языка (например, поновление языковых форм, их архаизация, диалектные изменения и т. д.), стиля произведения или его идейного содержания (изменения идеологического характера, изменения сюжетные, упрощение или развитие действия, изменение отдельных мотивов и пр.).

Что может дать для установления истории текста изучение разночтений ненамеренных и изучение разночтений намеренных?

¹ Б. В. Томашевский. Писатель и книга. Очерк текстологии. Изд. 2-е. М., 1959. С. 144.

² «Авторские варианты должны быть распределены между категориями связанных изменений и независимых» (Там же. С. 144).

Как уже говорилось во «Введении», теория К. Лахмана придавала особенное значение исследованию ошибок — ненамеренных изменений текста. Для нас главное значение имеют намеренные, сознательные изменения текста, влекущие за собой появление новых редакций произведения. Однако изучение бессознательных, ненамеренных изменений текста (ошибок) также имеет существенное значение. Ошибки, общие нескольким спискам, позволяют удобно классифицировать тексты, объединять списки в группы. Вместе с сознательными изменениями текста они дают подчас очень яркий материал для классификации списков (о классификации списков см. ниже). Однако, группируя списки по ошибкам, следует иметь в виду следующее: во-первых, ошибки бессознательные часто повторяются у разных писцов, поэтому нужно обращать внимание не на отдельную ошибку, а на целую группу ошибок; во-вторых, писцы иногда сами правильно определяют ошибку и восстанавливают первоначальное чтение; в-третьих, переписчики пользуются иногда не одним списком, а несколькими, поправляя основной список по другому, производя своеобразное «текстологическое исследование». Обо всем этом мы писали выше, в главе I «Работа древнерусского книжника». Такой характер переписки делает почти невозможной упрощенную классификацию списков по механическим подсчетам разночтений и вынуждает текстолога стремиться постоянно представлять себе: как, кем и при каких условиях переписывался текст.

Изменения сознательные, намеренные гораздо устойчивее в том отношении, что последующий переписчик не «возвращается» в них к первоначальному тексту, если только у него не появляется нового намерения относительно всего текста. Сознательная, стилистическая или идеологическая правка не может механически повторяться у разных книжников. И, наконец, сознательная правка текста меньше зависит от количества оригиналов: одно и то же изменение может быть внесено в текст и при наличии одного оригинала, и нескольких. Отсюда ясно, что намеренные изменения текста гораздо показательнее для классификации текстов и они же, в отличие от ненамеренных, являются показателями редакций.

В еще большей степени, чем для первых изменений текста (ненамеренных), для сознательных изменений текста необходимо представить себе конкретные обстоятельства работы над списками и самого книжника, который вносил изменения в текст. Чем конкретнее выступит перед нами тот древнерусский книжник, который вносил в текст изменения, его намерения, его идеология, социальное положение и т. д., — тем убедительнее будут все те объяснения разночтений, которые дает текстолог, тем более «связанными» между собой окажутся эти изменения, «связанными» не той или иной объединяющей их рубрикой классификации, а самой личностью делавшего их книжника.

Анализ разночтений основывается на конкретных представлениях о работе автора, переделывателя текста, переписчика. Устанавливая первичность того или иного чтения относительно другого, текстолог должен прийти к выводу, при каких обстоятельствах, как и кем был изменен текст.

Рассмотрим несколько текстологических правил, обычно применяющихся в анализе разночтений. Правила эти, применяемые механически, вне конкретного рассмотрения самого книжника и его работы имеют только относительную ценность.

Существует текстологическое правило, согласно которому из двух или нескольких чтений одного и того же места текста наиболее трудное чтение («lectio difficilior») признается более древним, чем чтение более легкое («lectio facilior»)¹. Действительно, как правило переписчик «облегчает» текст, непонятное для себя делает понятным, модернизирует его. Однако нельзя признать, что это правило действует во всех случаях неукоснительно. Во-первых, необходимо иметь в виду относительность понятий «легкое чтение» и «трудное чтение». То чтение, которое кажется наиболее легким для нас, могло быть вовсе не легким для древнерусского книжника. Во-вторых, следует иметь в виду, что некоторые книжники из стилистических или каких-либо иных соображений предпочитают иногда как раз труднейшие чтения (ниже мы вернемся к такого рода случаям).

Приведем примеры. В разночтении попадает слово более новое и более старое; если нет последовательной стилистической архаизации текста, мы можем предполагать, что архаичное слово представляет более древнее чтение. В одном случае в разночтении попадает слово книжное, трудное, не всем понятное, в другом — слово более понятное; можно предположить, что «трудное» слово первоначальное, а «легкое» возникло в порядке «улучшения» текста переписчиком или редактором. То же самое нужно сказать о «трудном» синтаксическом обороте и о более легком, об иностранном слове и о русском.

Такое положение, когда более трудное чтение оказывается иногда и более древним, характерно не только для древнерусских рукописей. Оно характерно для западноевропейских средневековых рукописей и для восточных. Е. Э. Бертельс пишет: «При подготовке критического издания поэм Низами старейшие рукописи (XIV в.) сплошь и рядом давали явную, казалось, бессмыслицу, новые же рукописи (XV и XVI вв.) предлагали вполне понятный текст. Длительная работа над текстами показала, что текст XIV в. в подавляющем большинстве случаев и был верным и оригинальным текстом, а непонятен он был текстологам лишь в силу недостаточного знакомства с языком поэта и недостаточным знанием реалий эпохи»². Аналогичное наблюдение сделано М. Н. О. Османовым над древнейшим списком «Шах-

¹ Правило это было открыто еще в конце XVIII в. немецким филологом Гризбахом. Энергичную защиту этого положения см.: *Alberto Chiari. La Edizione critica. — Problemi ed orientamenti critici di lingua e di letteratura italiana, vol. II. 2 ed. Milano, 1951. P. 261.*

² *Е. Э. Бертельс. К вопросу о филологической основе изучения восточных памятников. — Советское востоковедение, 1955, № 3. С. 15.*

наме» Британского музея 1276/77 (условно — *Л.*): «В нашей практике список *Л* часто дает единственное чтение, которое на первый взгляд кажется бессмысленным. Однако более глубокое изучение текста, обращение к толковым словарям, к арабскому переводу “Шах-наме” 1218–1227 гг. убеждают составителя, что именно чтение *Л* есть наиболее достоверное и, быть может, подлинное, авторское»¹.

Но все это касается лишь единичных случаев. Если же мы имеем в двух текстах систематические разночтения, в которых один текст представлен книжными, архаичными и «трудными» выражениями, а в другом понятными и более новыми, то происхождение такого различия текстов в целом может быть обоюдосторонним: бывали редакторы текста, систематически его облегчавшие, модернизировавшие, приближавшие к разговорному языку, но бывали редакторы текста, намеренно архаизировавшие текст, стремившиеся к «литературности», предпочитавшие книжные обороты. Но и в этом случае можно указать на признаки, по которым можно определить, какой текст первичный, а какой вторичный. Дело в том, что редкому редактору удастся с полной последовательностью провести свою систему. Редакторы и ученые книжники Древней Руси были в большей мере начетчиками, чем исследователями. Поэтому архаизация языка никогда не сможет полностью провести в памятнике в с е старые формы, новые формы нет-нет да и «прорвутся» в текст. Архаизаторы-редакторы любят, например, снабжать свои тексты оборотами с дательным самостоятельным, но эти обороты не всегда отличаются правильностью. По этим «ошибкам» в «улучшении» текста обычно и опознается позднейшая рука.

Замена «легких» чтений более «трудными» особенно часто встречается в литературных произведениях при их стилистической правке приверженцами риторического стиля второго южнославянского влияния, при создании «книжных» житий вместо первоначальных некнижных записок о святом и т. д.

Приведу пример с некоторой книжной стилистической обработкой «Хождения за три моря» Афанасия Никитина — обработкой настолько незначительной, что она не может даже считаться новой редакцией «Хождения».

Анализируя редакцию «Хождения за три моря» Афанасия Никитина, представленную Троицким списком (ГБЛ, Музейное собр., № 8665), Я. С. Лурье отмечает, что стилистическая правка в ней «сводилась прежде всего к замене простых, бытовых выражений более книжными. Человек грамотный и любознательный, Афанасий Никитин не был профессиональным писателем-книжником и не умел (или не хотел) заниматься тонким “плетением словес”. Рассказ о своем путешествии он начал в почти устной, немного монотонной манере: “Поидох от Спаса святого златоверхаго... и поидох вниз Волгою и приидох в монастырь Калязин... И с Колязина поидох на Углич, с

¹ М. Н. О. Османов. Ближневосточная текстология в Советском Союзе и ее основные принципы (на материале иранской текстологии). — Вестн. истории мировой культуры, 1961, № 4. С. 120.

Углеча отпустили мя добровольно. И оттуду поидох с Углеча и приехал есми на Кострому... И отпустили мя добровольно. И на Плесо приехал есми добровольно. И приехал есми в Новгород Нижней... И они мя отпустили добровольно..." (Эттеров список, л. 442–442 об.). В Троицком списке этому безыскусственному рассказу придана более книжная форма; вместо четырехкратного повторения, "добровольно" встречается только два раза (Троицкий список, л. 369). Видоизменены в Троицком списке названия христианских праздников, вместо бытовых наименований даны официальные: языческая "Радуница" замена "Фоминой неделей" (Эттеров список, л. 444; Троицкий список, л. 371 об.). "Оспожин день" назван "Успеньем богородицы" (Эттеров список, л. 445 об.; Троицкий список, л. 374 об.; ср. 373 об.). Вместо устного "однова" (Эттеров список, л. 449) мы читаем в Троицком списке "единожды" (Троицкий список, л. 379 об.). В летописной редакции упоминаются индийские "мужики и жонки" (Эттеров список, л. 444); в Троицком списке им соответствуют "мужи и жены" (Троицкий список, л. 372); в летописной редакции упоминаются "сосци голы" (Эттеров список, л. 444 об.); в Троицком — "груди голы" (Троицкий список, л. 372). Но особенно выразительна одна поправка. При описании индийской одежды Никитин многократно отмечает, что индийцы — от "слуг" до "бояр" и "князей" включительно — носят "фату", обогнутую "на гузне" (Эттеров список, л. 444–444 об.; ср. лл. 448 и 449). Редакция, представленная Троицким списком, постаралась устранить это грубое выражение — здесь мы читаем (несколько раз подряд), что фата у индиан обогнута "на бедрах" (Троицкий список, л. 372). Однако здесь же мы обнаруживаем и ясное свидетельство того, что редакция, отличающаяся более книжным изложением, является вторичной и что первоначальному тексту было свойственно просторечие. Как это часто бывает с редактором, исправляющим чужой текст, создатель троицкой редакции проявил непоследовательность — удалив "гузно" в одном месте, он оставил его в других местах: как и в летописной редакции, здесь говорится, что у "Бута" "гузно" обвязано "ширинкою" и что богомольцы, съезжающиеся в Парват, носят "на гузне плат" (Троицкий список, л. 378 и 378 об.)¹.

Существенное значение имеет обнаружение фактической ошибки, исторического несоответствия, стилистического несоответствия, или идеологического противоречия всему остальному тексту в одном из разночтений. В этих случаях ошибочное чтение обычно признается позднейшим, но и это правило не без исключений. Древнерусские книжники очень часто исправ-

¹ Я. С. Лурье. Археографический обзор. — В кн.: Хождение за три моря Афанасия Никитина. 1466–1472 гг. Изд. 2-е, доп. и перераб. М.; Л., 1958. С. 170–171. «Литературные памятники».

ляли ошибки и неточности своих предшественников; авторы были отнюдь не непогрешимы.

Приписать промах, нелогичность, грамматическую или стилистическую несообразность, даже простую ошибку тому или иному переписчику можно только тогда, когда будет доказано, что автор или один из предшествующих переписчиков не мог их допустить.

Критикуя работу А. В. Рыстенко «Слово о 12 снах Шахаиши»¹, П. О. Потапов совершенно правильно писал по поводу предполагаемой А. В. Рыстенко зависимости редакций и движения текста этого произведения: «Большая логичность или простота чтения отнюдь не обязательна для более древних текстов вообще: если не всегда, то в отдельных случаях возможно и обратное явление»².

Примеры авторских ошибок в произведениях древнерусской литературы многочисленны. Ошибочные даты и генеалогии имеются в «Повести временных лет»³, в тексте летописного «Сказания о преложении книг на славянский язык»⁴. В «Слове о погибели Русской земли» Владимир Мономах ошибочно сделан современником Константина IX Мономаха. Ошибочные данные постоянны в легендарных повестях Древней Руси, в житиях и т. д. В оригинале, в авторском тексте вполне могут быть ошибки и несообразности, длинноты и стилистические неувязки, которые в последующих списках будут исправлены опытными переписчиками, редакторами или даже составителями новых произведений на старой основе. Все дело в том, что для авторов возможны одни ошибки и невозможны другие. Есть ошибки, которые могут произойти только от непонимания предшествующего текста и не могут родиться сами по себе.

Приведу пример. В известном «Послании» Спиридона-Саввы и в «Сказании о князьях владимирских», текстологически близких друг к другу, среди прочих различий имеется и следующее: в «Послании» в противоречии с Библией указан сын Ноя Арфаксад; в «Сказании» сыновья Ноя указаны в строгом соответствии с Библией. Приходится признать, однако, что ошибочный текст «Послания» в этом месте первичный, а текст «Сказания» исправлен и приведен в согласие с Библией. Дело в том, что вся линия наследования земель потомством Ноя в «Послании» стройна и последовательна, а в «Сказании» эта линия наследования оказалась запутанной. К тому же в «Сказании» после исправления текста остались следы старого текста: в начале «Сказания» имеется следующая фраза: «От истории Ханаонова и предела, рекома Арфаксадова, первого сына Ноева, рожьшагося по потопе». В «Ска-

¹ Сборник ОРЯС АН, т. XX, № 2. СПб., 1879.

² П. Потапов. К литературной истории «Сказания о 12 снах царя Шахаиши». — В кн.: Сборник статей в честь А. И. Соболевского. Л., 1928. С. 121.

³ Повесть временных лет, т. II. Статьи и комментарии Д. С. Лихачева. М.; Л., 1950. С. 231–233.

⁴ Там же. С. 257–261.

зании» эти слова не имеют смысла, так как изложение «Сказания» им не следует: Арфаксад в «Сказании» всюду, кроме этого места, сделан сыном Сима. Из этого можно заключить, что текст «Послания» Спиридона-Саввы первичнее, чем текст «Сказания»¹. Между тем И. Н. Жданов считал текст «Сказания» первоначальным, а текст «Послания» вторичным, основываясь, в частности, и на том, что «Сказание» «правильнее» — ближе к Библии².

Позднейшее происхождение той или иной фактической ошибки устанавливается всем контекстом произведения. Обнаружив в тексте фактическую ошибку, необходимо в первую очередь на основании данных контекста установить — могла ли она принадлежать автору памятника.

Возьму простейший случай. Во второй редакции «Сказания о князьях владимирских» в некоторых списках читается «Постави царя над Индеею во Иерусалиме», тогда как в одном списке — «постави царя над Иудеею во Иерусалиме». Первичность второго чтения не подлежит сомнению³. Первое чтение бессмысленно и не могло быть оправдано невежеством автора, так как все произведение в целом свидетельствует о том, что автор имел в виду библейские события. Следовательно, ошибся не автор, а кто-то из переписчиков, писавших, не задумываясь над текстом, и принявших «ю» за «н».

В других списках того же «Сказания» написано «отлучахуся» вм. «отлучися Хус». Ошибочность первого чтения также ясна: она не только противоречит всему контексту произведения, где говорится именно о «Хусе», но может быть объяснена палеографически.

Если ни одно из чтений само по себе не может считаться позднейшим, необходимо проверять чтения контекстом. Контекст и в данном случае может подсказать историю текста.

В «Повести временных лет» под 971 г. в рассказе о том, как Святослав победил болгар под Переяславцем и как затем послал к грекам со словами «Хочю на вы ити и взяти град вашъ, яко и сей», говорится, что греки прислали с хитростью к Святославу, предлагая дань на каждого воина и прося сообщить число воинов. К этим словам греков летописец делает следующее примечание: «Се же реша гръци, лстыяче под Русью; суть бо греци лстивы и до сего дни». Так читается в Радзивилловской летописи и в Московско-академическом списке, но в Ипатьевской летописи мы имеем другой текст: «...суть бо греци м у д р и и до сего дни». Какой текст более правилен: «лстивы» или «мудри»? «Мудри», конечно, исправление из «лстивы», так как последнее

¹ См. подробнее: Р. П. Дмитриева. Сказание о князьях владимирских. М.; Л., 1955. С. 60–64, 95 и др.; см. также: Р. П. Дмитриева. О текстологической зависимости между разными видами рассказа о потомках Августа и о дарах Мономаха. — ТОДРЛ, т. XXX. Л., 1976. С. 219–223.

² И. Н. Жданов. Повесть о Вавилоне и «Сказание о князьях владимирских». СПб., 1891. С. 78.

³ Р. П. Дмитриева. Сказание о князьях владимирских. С. 17.

только и согласуется с предшествующими: «реша гръци, л ь с т я ч е...» Исправление могло быть сделано каким-либо грекофильствующим летописцем.

Из всех исторических ошибок текста наиболее показательны с точки зрения истории текста ошибки против современной для автора исторической действительности. Несоответствие Библии хронографу, летописи легче допустить у автора, чем ошибку в явлении живой ему действительности. В первоначальном чтении ошибка против современной для автора действительности будет, конечно, значительно реже, чем в чтениях последующих. Причем в некоторых случаях она просто невозможна, а в других легко объясняется. Есть факты, которых не может не знать современник, и есть другие, которые он может исказить только сознательно.

Приведу пример из определения старшинства «Слова о полку Игореве» относительно «Задонщины». Как известно, «Задонщина» и «Слово о полку Игореве» имеют между собой в отдельных местах текстуальную близость.

В «Слове о полку Игореве» Днепр пробивает «каменные горы»: «О Днепре Словутицю! Ты пробилъ еси каменная горы сквозъ землю Половецкую». В «Задонщине» в сходном тексте каменные горы пробивает Дон: «Доне, Доне, быстрая рѣка, (ты) (пробил) еси горы каменная, течеша в земшу (Половецкую)»¹. Но каменные горы, т. е. пороги, встречаются только на пути Днепра. Дон же порогов не имеет и через горы не проходит. Ясно, что текст «Слова» в данном случае первичный, а текст «Задонщины» вторичный, ибо автор «Слова» хорошо знал географию Руси и писал свободно, а автор «Задонщины» не выказал в своем произведении точного знания географии южной Руси. Создавая свое произведение, он был, очевидно, связан своим литературным образцом — «Словом о полку Игореве»: от этого и получилось внешнее сходство при наличии фактической ошибки. Можно привести и другие соответствия «Слова» с в о е й исторической действительности и несоответствия с в о е й исторической действительности в «Задонщине». Так, например, в «Слове» князь Святослав Киевский плачет (его «золотое слово» «со слезами смешено»), и этот плач действительно отмечен в рассказе Ипатьевской летописи о походе Игоря Святославича. В «Задонщине» же плачет Дмитрий Донской, о плаче которого ничего не известно. Так как об обоих плачах говорится в одинаковых выражениях и зависимость одного из них от другого несомненна, то следует предположить, что первичный текст тот, который ближе к отраженной в летописи действительности, т. е. текст «Слова о полку Игореве».

Еще одно замечание. Установить фактическую ошибку бывает не так-то легко. Для этого текстолог обязан очень хорошо знать историю, проверять каждый факт текста. Во всяком случае, он должен знать больше, чем древние русские переписчики, и уметь легко по справочным изданиям установить правильность или ошибочность факта.

¹ Здесь и в дальнейшем цитирую «Задонщину» по тексту В. П. Адриановой-Перетц: Задонщина (опыт реконструкции авторского текста). — ТОДРЛ, т. VI. М.: Л., 1948. — Пользуюсь ее же наблюдениями.

Вот, например, перед нами «Сказание повести еже о пренесении честных мощей иже во святых отца нашего Николаа архиепископа града Мира». Списки, хранящиеся в рукописных отделениях Москвы и Ленинграда, имеют ряд ошибок. Перенесение мощей отнесено к 1096 г. вместо правильного 1087. В действие введен никогда не существовавший папа Герман вместо папы Урбана. Есть и другие ошибки. Н. А. Толстому удалось найти в Ватиканской библиотеке список того же произведения, текст которого гораздо более правилен. Вместо папы Германа там действует папа Урбан. Характерно, однако, следующее различие, помогающее установить не только то, что этот последний текст более правилен, но и то, что он более первоначален. В списках с папой Германом сказано «послаша в Рим к папе», в ватиканском же списке «послаша к Римскому папе», что более правильно исторически, так как римского папы в то время в Риме не было. Первый текст более поздний и стоит в связи с перефразировками, получившимися в результате распространения более краткого текста ватиканского списка. Обратного произойти не могло¹. Весь текст в целом, все разночтения помогают установить более ранний текст.

Мы привели выше случаи разночтений, в которых одно из чтений несомненно «ошибочное», «нелогичное» и пр. Однако в подавляющем большинстве случаев явных несообразностей, ошибок обнаружить не удастся. Иногда только то или иное чтение может казаться исследователю «лучшим», более отвечающим стилю, содержанию произведения, развитию мысли автора и т. д. В этих случаях исследователь должен проявлять особую осторожность. Исследователь в оценке чтений может легко проявить субъективизм. Доказательную силу может иметь только анализ целой группы разночтений при обязательной проверке «от обратного», т. е. исследователь должен доказать невозможность обратного предположения и свою мысль о более древнем характере того или иного чтения подтверждать всей системой разночтений в целом. Только анализ целой группы однородных разночтений вскрывает идеологическую или стилистическую их направленность и может убедительно подтвердить мысль о том или ином характере данного частного разночтения.

Забегая несколько вперед, укажем, что вопрос о том, какое чтение признать «лучшим», а какое «худшим», имеет очень большое значение при издании текста. Очень часто текстолог, подготавливая тот или иной список к изданию, меняет в нем некоторые чтения на «лучшие» по другим спискам. В дальнейшем мы вернемся к этому вопросу и укажем, что делать это ни в коем случае нельзя: это допустимо только в реконструкциях текстов, но не в изданиях реально дошедших текстов. Допустимо только менять явно ошибочное чтение на правильное (с соответствующими оговорками в примечаниях), но не «худшие» на «лучшие». Признание того или иного места ошиб-

¹ Н. А. Толстой. Историческая ошибка. Новооткрытая рукопись Ватиканской библиотеки. — Изв. ОРЯС, 1907, т. XII, кн. 2.

кой или опиской или признание его «плохим» чтением сравнительно с каким-то «лучшим», имеющимся в других списках, — качественно различно. Замена «плохого» чтения «лучшим», если она диктуется только тем, чтобы выбрать «лучшие» чтения для основного списка, может повести к субъективизму. В протографе любого памятника отнюдь не редко находились «худшие» чтения. Ведь всякий переписчик стремился по-своему «исправить» текст своего оригинала. Эти «исправления» могли давать действительно лучшие чтения — лучшие и с нашей точки зрения. История текстов многих древнерусских памятников дает тому немало примеров. Устанавливая ошибочность того или иного чтения, исследователь должен помнить, что ошибка могла принадлежать не тому или иному переписчику, а быть общей для многих русских книжников. Так, например, общее происхождение имеет ошибочная самоуничижительная формула древнерусских книжников: «елинских борзостей не текох», которая обычно понимается самими писцами как их неосведомленность в греческих мудростях. Происхождение этой формулы было указано А. И. Соболевским. Он привел место из одной рукописи (ГБЛ, собр. Троице-Сергиевской лавры, № 165, 1414 г.), где читаем: «Аще небеса, человеце, и облакы достигнеши, аще земныя преидеши конца и вся места, аще е л е н ь с к ы а (т. е. олени. — Д. Л.) б о р з о с т и п р е т е ч е ш и, камень гробу трилактонаго не убежиши»¹. Отсюда ясно, что древнерусские писцы не поняли этой формулы и употребляли ее явно ошибочно. Но можем ли мы на этом основании делать какие-либо текстологические выводы относительно произведения, где эта формула употреблена? Конечно, нет! Важно, однако, что эта ошибка не противоречит всему произведению в целом. Иногда некоторые ошибки даже необходимы автору для его исторического построения, для проведения его идеи. Фактические ошибки только тогда не могут принадлежать автору произведения и являются ошибками переписчиков, когда они находятся во в н у т р е н н е м противоречии с идеями, духом произведения, знаниями автора, его представлениями и т. д.

Анализируя разночтения, необходимо быть очень внимательным к грамматическим формам языка. Контекст и здесь может подсказать, является ли грамматическая ошибка «авторской» или она возникла в результате позднейшего изменения текста. Дело в том, что, переделывая текст, древнерусский книжник не всегда точно исправлял формы слов. В результате в тексте оставались следы прежнего, более правильного текста. Основываясь на этих следах, мы можем прийти к заключению, какой текст из двух или нескольких признать первоначальным. Интересный пример дает в этом от-

¹ А. И. Соболевский. Рец. на кн.: В. Н. Малинин. Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания. Киев, 1901. — ЖМНП, 1901, № 12. С. 490.

ношении летописная статья 882 г. «Повести временных лет»: «Поиде Олег, поим воя многи, варяги, чюдь, словени, мерю, весь, кривичи, и приде к Смоленску с кривичи, и прия град и посади мужь свои, оттуда поиде вниз и взя Любець, и посади мужь свои. И придоста к горам х киевским...» Откуда могло здесь явиться двойственное число — «придоста»? Мы вправе были бы здесь ожидать либо единственное, либо множественное (поскольку в предшествующем тексте говорится только об Олеге, отправившемся вниз, «поим воя многи»). Разгадка заключается в тексте Новгородской первой летописи, где, согласно гипотезе А. А. Шахматова, отразился предшествовавший «Повести временных лет» Начальный летописный свод. В Новгородской первой летописи говорится под этим годом о двух предводителях похода — князя Игоре и его воеводе Олеге. Там это двойственное число постоянно и употребляется: «И начаста воевати, и налезоста Днепрь реку... и узреста город Киев... и потаистася в лодьях, и с малою дружиною излезоста на брег... и съзваста Асколда и Дира». Составитель «Повести временных лет» переделал рассказ предшествующего Начального свода: Олег у него князь, а не воевода (переделка эта согласована с данными привлеченных им к летописанию договоров Олега с греками), Олег является единственным предводителем похода при малолетнем Игоре. Однако след старого текста, где поход возглавляется двумя — Игорем и Олегом, сохранился в этом употреблении здесь двойственного числа, и это убедительно подтверждает гипотезу А. А. Шахматова, что в Новгородской первой летописи, в ее начальной части, читается текст более древний, чем в «Повести временных лет»¹.

Особенно трудно строить анализ разночтений, когда два или даже несколько разночтений кажутся одинаково приемлемыми. В этих случаях следует особенно внимательно относиться ко всем оттенкам смысла и стремиться елико возможно расширять анализ, привлекая к нему исторические и стилистические данные. Хороший образец такого рода анализа дает Н. А. Казакова в своей работе «Вассиан Патрикеев о секуляризации церковных земель»². Речь в этой работе идет о внешне незначительных, но весьма существенных разночтениях в последнем полемическом сочинении Вассиана, изданном в свое время А. С. Павловым под названием «Того же инока пустытника Васьяна на Иосифа, игумена волоцкого, собрание от святых правил и от многих книг собрано».

¹ См.: А. А. Шахматов. Киевский Начальный свод 1095 года. — В кн.: А. А. Шахматов, 1864–1920. Сб. статей и материалов. Под ред. акад. С. П. Обнорского. М.; Л., 1947. С. 121.

² Н. А. Казакова. Вассиан Патрикеев о секуляризации церковных земель (текстологические данные). — ТОДРЛ, т. XV. М.; Л., 1958. С. 153–158.

Имеется четыре списка этого сочинения Вассиана Патрикеева: три списка XVI и XVII вв. из Соловецкого собрания ГПБ и один список XVII в. Синодального собрания ГИМ. Соловецкие списки близки между собой и восходят к одному общему протографу сравнительно раннего времени — 60-х годов XVI в.

В 11-м пункте диалога этого сочинения между Вассианом и Иосифом в Соловецких списках читается следующая фраза: «А у соборных церквей и у мирских повелевают святая правила земли дръжати». В Синодальном списке та же фраза читается без союза «а» в начале и без союза «и» в середине. В 12-м пункте диалога, в ответе Вассиана, во фразе, читающейся в Соловецких списках: «...аз велю великому князю у монастырей села отъимати, а не у мирских церквей», в Синодальном списке союз «а» и отрицание «не» заменены союзом «и». Разночтения, казалось бы, самые незначительные, но в совокупности они коренным образом меняют весь смысл предлагаемых Вассианом реформ. В зависимости от того, какие из этих разночтений мы примем, будет находиться и все истолкование позиции Вассиана в вопросе, больше всего волновавшем общественную мысль первой половины XVI в.

Было бы абсолютно неправильно решать вопрос о первоначальности текста по старшинству или по большинству списков. В обоих этих случаях нам следовало бы отдать предпочтение варианту Соловецких списков. Текстологи XIX в. именно так бы и поступили.

Н. А. Казакова поступает иначе и начинает свой анализ с выяснения основного содержания послания. Она анализирует разночтения в тесной связи с основными положениями послания и в связи с мировоззрением Вассиана в целом. Это совершенно правильный подход. Конечно, не во всех случаях анализа разночтений он необходим, но в данном случае, когда дело идет о разночтениях, меняющих смысл произведения, такой подход единственно возможен.

Соловецкие списки

1. Монастырям не подобает иметь села.
2. У соборных церквей и у мирских разрешается иметь земли для удовлетворения потребностей притча, а также для нужд нищих, убогих и выкупа пленных.
3. Вассиан побуждал великого князя отнимать села у монастырей, а не у мирских церквей.

Синодальный список

1. Монастырям не подобает иметь села.
2. У соборных церквей мирских разрешается иметь земли для удовлетворения потребностей притча, а также для нужд нищих, убогих и выкупа пленных.
3. Вассиан побуждал великого князя отнимать села у монастырей и у мирских церквей.

Прежде всего Н. А. Казакова формулирует основные положения послания, как их можно вывести на основании Соловецких списков, с одной стороны, и Синодального — с другой:

«Согласно тексту Соловецких списков, — пишет Н. А. Казакова, — получается, что Вассиан выдвигал требование секуляризации только монастырских земель, а наличие земель у мирских церквей (обслуживаемых белым духовенством) считал соответствующим “святым правилам” (правилам Кормчей книги). Из текста же Синодального списка следует, что Вассиан добивался секуляризации всего церковного земледелия — и монастырей, и мирских церквей, делая исключение лишь для соборных мирских церквей, при которых разрешалось иметь земли для нужд притча и благотворительных целей. Таким образом, от того, какой текст — Синодального или Соловецких списков — следует признать более близким к авторскому тексту произведения, зависит решение вопроса о масштабах секуляризации церковного землевладения, предлагавшейся Вассианом Патрикеевым»¹.

Далее Н. А. Казакова обращается к выяснению смысла терминов, употребляемых в списках этого произведения Вассиана: «соборная церковь», «мирская церковь», «соборная мирская церковь». После этого Н. А. Казакова выясняет соответствие этих разночтений всему тексту произведения. Выясняется, что в Соловецких списках соборные церкви рассматриваются как особая, отдельная от мирских категория церквей, что не соответствовало действительности. Между тем термин «соборная мирская церковь» употребляется и в других местах сочинения Вассиана во всех его списках. Текст Синодального списка ясен и логичен и не вызывает недоумений. В тексте же Соловецких списков имеются противоречия между его чтениями и остальным текстом. Наконец, чтения Синодального списка оказываются в полном единстве и с другими сочинениями Вассиана. В результате Н. А. Казакова приходит к выводу, что в вопросе о том, какие разночтения предпочесть, преимущество надо отдать не старшинству списков и не их большинству, а общему смыслу, представленному лучше Синодальным списком. В его именно вариантах и отражена авторская точка зрения. Но этого мало, Н. А. Казакова стремится выяснить и происхождение разночтений Соловецких списков. Здесь она строит гипотезу, которая также представляется вполне обоснованной. Эта гипотеза опять-таки опирается на всю историческую обстановку времени составления протографа Соловецких списков, на изменение взглядов нестяжателей в середине XVI в. и на литературную судьбу других сочинений Вассиана.

Н. А. Казакова пишет: «В протограф Соловецких списков последнего полемического сочинения Вассиана были внесены изменения, назначение которых заключалось в уменьшении размеров секуляризации, предлагавшейся Вассианом Патрикеевым. Эти изменения были произведены недостаточно умелой рукой, следствием чего явилось наличие в Соловецких списках отмеченных выше нелогичностей и смысловых искажений... Несомнен-

¹ Н. А. Казакова. Вассиан Патрикеев о секуляризации церковных земель. С. 155.

но, что составитель протографа Соловецких списков принадлежал к нестяжательским кругам, ибо основной тезис нестяжателей о том, что монастыри не должны владеть селами, он сохранил неприкосновенным. Но в то же время он не был настроен так радикально, как Вассиан, и не разделял мнения последнего о необходимости секуляризации всего церковного землевладения. Вероятнее всего протограф Соловецких списков был составлен в середине XVI в., когда в связи со Стоглавым собором в русском обществе обострился интерес к судьбам монастырского землевладения... Но нестяжатели середины XVI в. были умереннее своего предшественника (Вассиана. — Д. Л.), к публицистическому наследию которого они все время обращались. Если в каноническом трактате Вассиана весь материал подчинялся задаче отрицания вотчинных прав монастырей, то в третью редакцию канонического трактата, составленную в середине XVI в., были включены правила, регулирующие монастырскую жизнь вообще¹, результатом чего явилось смягчение заостренности произведения. Стремление "смягчить" Вассиана, сделать его более умеренным, для того чтобы иметь возможность использовать его наследие для пропаганды своих взглядов, особенно должно было проявиться при переработке последнего полемического сочинения Вассиана, содержащего радикальное требование секуляризации всего церковного землевладения. Отсюда те разночтения, которые имеются в Соловецких списках². Мы не привели выше всех соображений Н. А. Казаковой. Для нас важен лишь самый ход ее рассуждений, методологически правильно построенных и привлекающих широкий круг материалов.

*

Наконец, самый сложный случай: разночтений нет, все списки дают только одно чтение; но ошибка, несообразность, логическая или историческая неувязка налицо. Можем ли мы ее признать первоначальной? Такие случаи особенно часты, когда произведение или редакция произведения представлены в одном списке или восходят к архетипу, в котором уже содержалась ошибка. Мы можем, конечно, предположить, что древнее чтение данного места этой ошибки или неувязки не содержало, но, чтобы наше предположение было убедительным, необходимо не только указать — какое же чтение следует считать более первоначальным, но и показать, как могла произойти ошибка. В этом последнем случае необходимо бывает привлечь данные психологии ошибок, палеографические данные, данные языка

¹ О каноническом трактате и о его последующем «смягчении» переписчиками см.: Н. А. Казакова. Неизданное произведение Вассиана Патрикоева. — ТОДРЛ, т. XII. М.; Л., 1956. С. 391–393, 414–419.

² Н. А. Казакова. Вассиан Патрикоев о секуляризации церковных земель. С. 158. См. также: Н. А. Казакова. Вассиан Патрикоев и его сочинения. М.; Л., 1960. С. 139 и сл.

и т. д. Объяснения происхождения ошибочности того или иного текста могут быть иногда самыми неожиданными. Приведу пример.

В договоре Святослава читается следующий текст: «И хочу имети мир и свершену любовь с в с я к ы м великим царемь грецьким». И. И. Срезневский попытался остроумно объяснить этот непонятный текст. Он предположил, что текст испорчен в результате небрежного или неумелого прочтения глаголицы, которой якобы был первоначально написал договор с Святославом. Переписчик смешал несколько сходных в глаголическом алфавите букв. Первоначально же текст этот читался так: «С Иваном великим царемь грецьким». Достоинство этого прочтения, предложенного И. И. Срезневским, в том, что для доказательства именно такого прочтения, кроме палеографических, были привлечены и исторические данные (действительно, договор Святослава был заключен с византийским императором Иоанном Цимисхием). Кроме того, предположение о том, что первоначальный текст договора Святослава был написан глаголицей, подтверждается и другими данными, обнаруженными тем же И. И. Срезневским (путаница в датах)¹. Несколько параллельных наблюдений сильно повышают нашу уверенность в правильности гипотезы И. И. Срезневского. Но гипотеза И. И. Срезневского все же остается гипотезой и вводить ее прямо в текст издания, допустим, Лаврентьевской летописи нельзя.

Невозможно предугадать все случаи, по которым текстолог устанавливает «направленность» разночтений. Текстолог должен быть своеобразным следопытом: по следам работы древнего автора, редактора, переписчика он узнает о нем самом и о характере этой работы. Самый последовательный, внимательный и опытный редактор не может убрать всех следов своей работы (если, конечно, текст достаточно велик). При этом чем обширнее тексты, с которыми имеет дело современный текстолог, тем легче установить их взаимоотношение, ибо тем больше может оказаться следов от древней редакторской работы. «Легче» — не означает, что в этом случае у текстолога будет мало работы (с крупными текстами и многочисленными списками текстологу, напротив, работы бывает очень много), но тем больше у текстолога шансов определить правильно и доказательно взаимоотношение текстов, восстановить генеалогическую картину списков и редакций.

Но самое существенное правило анализа разночтений — это правило контекста. Только контекст произведения и вся сумма разночтений могут дать представление о движении текста в целом и подтвердить правильность анализа отдельного конкретного разночтения. Приведенные выше примеры должны были подтвердить это².

¹ И. И. Срезневский. Договоры с греками. — Изв. АН, ОРЯС, 1854, т. III. С. 259–295.

² Огромное количество примеров различного рода ошибок в латинских и греческих рукописях, ошибок, указывающих на ту или иную особенность оригиналов, с которых списывались рукописи, собрано в обширной книге: A. C. Clark. The Descent of Manuscripts. Oxford, 1918.